

«По просьбе вернувшихся в Петропавловск артистов пьесы и пособия были срочно высланы в Олюторку».

Приведенный нами материал позволяет предположить, что и в более ранние времена существовали такого же рода драматурги, которые по виденным пьесам или слышанным изложениям их создавали свои новые произведения.

По-видимому, в истории возникновения «Царя Максимилиана» мы имеем дело именно с таким случаем.

Процесс создания этой пьесы представляется нам в таком виде.

Поставленная 26 октября 1704 г. пьеса в честь Дмитрия Ростовского, по-видимому, игралась позднее не один раз: обе дошедшие до нас рукописи писаны на бумаге с водяными знаками ЯМСЯ (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева) и цифрами: 1781, 1789; на московской рукописи есть владельческая запись о ее покупке в 1787 г. Сперва эта пьеса имела характер обычной инсценировки житийной повести. Впрочем, уже П. О. Морозов обратил внимание на то, что вопрос Дмитрия в ростовской пьесе: «лучше ли бояться царя земного или небесного?» имел политический оттенок.⁵⁵ По-видимому, после казни царевича Алексея Петровича в сюжете «Венца Димитрию» стали усматривать аналогию с историей отношений Петра и его сына, и это политическое истолкование пьесы сохранило интерес к ней вплоть до конца XVIII в.

Трудно сказать, видел ли будущий автор «Царя Максимилиана» постановку «Венца Димитрию» в стенах Ростовского «грамматического» училища или познакомился с этой школьной драмой позднее, — важно только, что из довольно сложной композиции «Венца Димитрию» он твердо усвоил несколько мотивов, из которых важнейшими являлись преследование царем-язычником своего наследника-христианина (так, по-видимому, была понята им сцена посвящения Дмитрия в воеводы) и единоборство язычника и христианина.

Эти мотивы были осложнены анонимным автором приемами народного творчества — троекратным повторением встреч царя и сына и повторными рыцарскими поединками. Переосмыслены были и некоторые другие подробности: Мелея (Медея или Мегера) из адского духа превратилась в богиню или жену царя и т. п. В первоначальном варианте пьесы, по-видимому, сохранялись и некоторые имена действующих лиц, например царя Максимиана, богини Мегеры. Понятно, почему нельзя было удерживать в тексте пьесы имя Дмитрия: по тогдашним понятиям и цензурно-полицейским требованиям лица церковно-религиозной традиции не могли появляться на подмостках светского театра. Поэтому и пришлось для сына царя придумать новое имя. Почему выпал жребий на имя Адольфа, сказать трудно. Возможно, правильно утверждение некоторых исследователей, что оно было подсказано лубочной литературой.⁵⁶

⁵⁵ П. О. Морозов История русского театра до половины XVIII столетия, стр. 340

⁵⁶ Не исключена возможность, что имя Адольф или Адольфий представляет осмысление имени св. Адельфия, епископа при императоре Констанции. Впрочем, этот святой не находится в месяцесловах греко-российской церкви (см. Архим. Сергей Полный месяцеслов Востока М., 1876, т. II, ч. III, прил. 2, стр. 28)

В дополнение к настоящей статье я предполагаю опубликовать в одном из ближайших томов ТОДРА текст «Венца Димитрию» по рукописям ГИМА и ГПБ